

Виктория Оралина

Сидя у окна по вечерам

Виктория Оралина

Сидя у окна по вечерам

«Автор»

2026

Оралина В. Д.

Сидя у окна по вечерам / В. Д. Оралина — «Автор», 2026

Знаете, что самое смешное? Мы думаем, что окно — это дыра в мир, но на самом деле это огромное зеркало, в котором мы видим самих себя, только в замедленной съёмке. Окно — это наш личный кинотеатр с бесплатным попкорном, где сценарий пишется на ходу, а главный герой всегда — ты сам, только в чужих декорациях. А теперь представьте, что вы сидите у окна, а там — ничего не происходит. Тишина, пустота, только ветер колышет занавеску, как призрачный хвост.

© Оралина В. Д., 2026

© Автор, 2026

Виктория Оралина

Сидя у окна по вечерам

КАРТИНА НА ХОЛСТЕ.

Пока я кистью по холсту плясать не устану, пока то, что в голове, не будет на холсте, — та картина, что в сердце осталась, та память, те мысли, поэма, которую я пишу не словами, не чернилами, но светом и тенью, охрой и ультрамарином. Я знаю: время уходит сквозь пальцы, как мелкий речной песок, и каждый мазок, каждая линия — это попытка удержать то, что уже почти исчезло. Лицо матери, освещенное вечерним солнцем. Запах сена на скошенном лугу. Голос отца, читающего вслух старую книгу в дождливый ноябрьский вечер.

Эту картину я ношу в себе много лет. Она не писалась сама собой — она собиралась по крупицам, как мозаика из битого стекла, где каждый осколок режет пальцы, но без него целое не сложится. Я начал ее в тот день, когда понял, что память — это не архив, а живое существо. Она дышит, она болит, она требует выхода. Холодным утром, когда первый иней лег на траву, я взял кисть в руки. И понял, что не могу остановиться.

На холсте сейчас проступают очертания старого дома. Дом стоит на пригорке, окруженный яблоневым садом. Яблони уже старые, ветви их скрючены ветрами, но каждую весну они цветут — белым, розовым, почти прозрачным цветом, который напоминает облака на закате. Под одной из яблонь — деревянная скамья, сбитая из грубых досок. На скамье сидит девочка. Ей лет семь. В руках у нее книга, но она не читает — она смотрит вдаль, туда, где за холмами уходит дорога. Лицо у девочки серьезное, не по годам взрослое. Это я. Это моя память о себе той, какой я была до того, как мир научил меня бояться.

За домом — поле. Пшеница колышется под ветром, волнами уходит к горизонту, где небо встречается с землей в серой дымке. В этой дымке я пытаюсь разглядеть фигуру. Она идет по дороге, медленно, опираясь на палку. Это мой дед. Он умер, когда мне было десять, но я помню его руки — большие, в мозолях, пахнущие землей и табаком. Он мог починить любую вещь, рассказать любую историю. Он говорил: «Рисуй, внучка. Пока рисуешь — ты жива». Я тогда не понимала, что он имел в виду. Теперь понимаю.

По левому краю холста я пишу реку. Река у нас была быстрая, холодная, с темной водой, в которой отражались ивы. Мы купались в ней только в самый жаркий июль, когда вода прогревалась хотя бы до двадцати градусов. Я помню, как прыгала с моста, разгоняясь и зажимываясь, и на мгновение становилась свободной — без мыслей, без страха, без этой тяжести, которая потом легла на плечи. Река течет у меня на холсте так же, как текла тогда, — не останавливаясь, не оглядываясь назад.

Справа от дома я пишу лес. Лес темный, густой, сосны уходят в небо острыми стрелами. Там мы собирали грибы — подосиновики, лисички, белые. Дед учил меня не брать те, в которых сомневаешься. «Лучше оставить, чем пожалеть», — говорил он. Я до сих пор следую этому правилу в жизни. Лучше оставить, чем пожалеть. Лучше промолчать, чем сказать то, что ранит. Лучше дописать эту картину до конца, чем бросить на полпути.

Но картина не хочет заканчиваться. Она растет, как живое существо, требуя все новых деталей. Я добавляю небо. Оно у меня тяжелое, свинцовое, с просветами голубого — как перед грозой. В этом небе — вся моя жизнь. Солнечные дни сменялись штормами, затишье — бурями. Я научилась видеть красоту в каждом состоянии. В мокрой траве после дождя. В лужах, отражающих солнце. В оголенных ветвях зимой, которые кажутся черными кружевами на белом снегу.

На переднем плане, почти у самого края холста, я пишу дорогу. Она уходит прямо на зрителя, создавая эффект присутствия. Кажется, что можно шагнуть внутрь и пойти по ней — к дому, к реке, к лесу, к девочке с книгой. Но дорога эта не отпускает. Она ведет в прошлое,

из которого нет выхода. Только вход. И тыходишь снова и снова, проживая каждый день, каждую минуту, каждую ошибку.

Ошибки — это отдельный слой на холсте. Я пишу их не краской, а лессировкой — тонкими, почти прозрачными слоями поверх основного рисунка. Ты смотришь на картину и видишь дом. Но если присмотреться — под домом проступают тени. Это тени тех решений, которые я принимала не так. Тени слов, которые я не сказала вовремя. Тени людей, которых я потеряла, потому что не умела прощать. Или потому что не умела просить прощения.

В центре картины — трещина. Я не закрашиваю ее, не маскирую. Трещина — это часть сюжета. Она прошла по холсту в тот день, когда я узнала о смерти отца. Звонили ночью. Я сидела на кухне, пила холодный чай, смотрела в стену. Потом подошла к холсту, взяла нож и провела линию. Не знаю зачем. Наверное, чтобы зафиксировать этот момент. Чтобы не забыть, как именно ломается мир. Не со звоном, не с треском — он просто дает трещину, и ты смотришь сквозь нее на себя прежнюю и не можешь вернуться.

Я не закрашиваю трещину. Она — честность. Честность перед собой и перед теми, кто будет смотреть на эту картину после меня. Потому что искусство — это не украшение. Это документ. Это показание под присягой. Я клянусь, что все, что я пишу, — правда. Каждая линия, каждый цвет, каждая тень — правда.

Сейчас, когда холст почти дописан, я вижу, что он стал больше меня. Он стал историей не одной жизни, а нескольких поколений. Дом, который я пишу, — это не просто дом. Это символ. Он хранит запах дедовых ботинок у порога, звук маминой швейной машинки из соседней комнаты, хриплое радио, игравшее военные марши по утрам. В каждой трещине на стене — голос бабушки, которая ворчала, что мы не закрываем двери. В каждом оконном стекле — отражение детского лица.

Я пишу и чувствую, как холст становится тяжелым. Он вбирает в себя не только краски, но и время. Каждый мазок — это час, прожитый заново. Каждое движение кисти — это попытка договориться с прошлым, заключить перемирие. Я говорю: «Я помню. Я не забыла. Я не прошу, но я помню». И это важнее прощения. Память — это единственная форма бессмертия, которая у нас есть.

Пока я пишу, я не могу остановиться. Пока кисть движется по холсту, я существую. Я не знаю, что будет, когда картина будет закончена. Наверное, я поставлю ее в мастерской, лицом к стене, и буду знать, что она есть. Что она дышит где-то рядом. Что в ней остались все, кого я любила и потеряла. И, может быть, однажды, когда меня не станет, кто-то найдет этот холст, перевернет его и увидит — не меня, не мои мазки, не мою технику. Он увидит жизнь. Такую, какой она была. Без прикрас, без фильтров, без лжи. Просто жизнь, остановленная на мгновение, чтобы её можно было рассмотреть.

Дорога на холсте все еще ждет. Девочка все еще сидит под яблоней. Река все еще течет. Лес все еще стоит. И я пишу, пока дышу. Пока не поставил последнюю точку. Пока то, что в голове, не стало тем, что на холсте.

Я прощу тебе все...

Я прощу тебе всё. Только не пользуйся этим, ведь терпение у меня не железное, и терпение тоже рассказ. Слышишь? Это не угроза. Это диагноз. Это констатация факта, выведенная годами наблюдений за человеческой природой, замешанная на личном опыте и поданная под соусом горькой иронии. Ты думаешь, что я бесконечный ресурс? Что моя доброта — это бездонная бочка, из которой можно черпать ложками, ковшами, ведрами, а потом прийти и попросить добавки, потому что «ну ты же понимаешь», «ну ты же простишь», «ну ты же всегда был таким»?

О нет. О нет, нет и еще раз нет. Я прощу тебе всё. Всё, что угодно. Я прощу тебе тот звонок в три часа ночи, когда ты пьяный ищешь утешения. Я прощу тебе забытый день рож-

дения, потому что у тебя был «тяжелый месяц». Я прощу тебе обещания, разбитые вдребезги, как новогодние игрушки, которые падают с елки и рассыпаются на тысячу осколков, которые потом больно собирать босыми ногами. Я прощу тебе всё это. Честное слово. Прощу. Но только один раз. Точнее — каждый раз по одному. Но не бесконечно.

Терпение у меня не железное. В этом и проблема. Если бы оно было железным, его можно было бы закалить, выковать в горниле испытаний, покрыть ржавчиной? Нет, железо ржавеет. А мое терпение — оно вообще не из металла. Оно из чего-то более хрупкого. Из ткани, которая со временем истончается, сквозь нее начинают пробиваться лучи раздражения, потом дыры становятся больше, и вот уже — бах! — рубашка трещит по швам, и никакой штопальщик не сможет вернуть ей прежний вид.

И терпение тоже рассказ. Я вложил в этот рассказ столько, сколько не вкладывал ни в один свой проект. Это не просто история — это эпос, это сага, это «Война и мир» в миниатюре, только вместо Наташи Ростовской — мои нервы, а вместо Бородинского сражения — каждое утро, когда я просыпаюсь и решаю: «Ладно, прощу еще раз, но это точно последний». И вот этот «последний» раз повторяется уже в сотый раз. Мой рассказ превращается в сериал с бесконечным количеством сезонов, где я играю главную роль — роль того, кто вечно подставляет вторую щеку. Но щека уже болит! Она опухла от этих вечных подставлений. Она требует отдыха. Она просит: «Хватит, дай мне побыть просто лицом, а не боксерской грушей».

Пойми главное: прощение — это не индульгенция. Это не пропуск в рай, который я выдаю тебе с подписью и печатью. Прощение — это мой внутренний акт милосердия, но он не отменяет последствий. Если ты разбил вазу — я прощу тебе разбитую вазу. Но я не обязан покупать новую, чтобы ты разбил ее снова. Если ты опоздал на встречу — я прощу опоздание. Но я не буду ждать тебя в следующий раз до бесконечности. В следующий раз я уйду через пятнадцать минут. И буду пить кофе в другом месте. С другими людьми. Которые ценят мое время.

И знаешь, что самое забавное? Самое забавное — это то, что ты, возможно, даже не замечаешь, как расходуешь мой лимит. Ты думаешь, что он безразмерный, как кредитная карта с огромным лимитом, которую банк никогда не заблокирует. Но банк блокирует. Всегда. Когда-нибудь наступает момент, и терминал пишет «недостаточно средств», и ты стоишь с пустым кошельком, и не понимаешь, куда делись все деньги. А они делись на мелочи. На «ну еще пять минут», на «ну я же исправлюсь», на «ну ты же меня знаешь, я такой, прими меня таким, какой я есть».

Принять? Да легко. Я приму тебя любым. Грязным, уставшим, злым, веселым, пьяным, трезвым, влюбленным, разочарованным. Я приму. Но это не значит, что я соглашусь это терпеть. Принять и терпеть — это две большие разницы, как между «я понимаю твою боль» и «ложись, я понесу твой крест». Я не Господь Бог. Я не Спаситель. Я просто человек, у которого тоже есть свои пределы. И они уже на горизонте. Они маячат, как огни маяка в тумане. Маяк, который предупреждает: «Берегись. Скоро скалы. Дальше хода нет».

Поэтому я говорю тебе прямо сейчас, этим текстом, этим творческим потоком сознания, который вышел из берегов и затопил все вокруг: пользуйся моим прощением как аптечкой. В крайнем случае. Когда прижмет. Когда нет другого выхода. Когда ты перепробовал все остальные варианты. А не как шведским столом, где можно набрать полную тарелку и оставить половину недоеденной. Я не объедки. Я не закуска. Я — основное блюдо. И оно стоит дорого. Оно требует уважения.

Вот тебе мой ультиматум, завернутый в шутку, приправленный сарказмом и поданный на блюде с голубой каемочкой: прощаю, но не надейся. Прощаю, но запоминаю. Прощаю, но считаю. У меня внутри сидит бухгалтер, который ведет строгий учет. Каждое «прости» записывается в красную книгу. Каждое «я исправлюсь» заносится в журнал. И когда баланс уйдет в минус, я закрою счет. Без права восстановления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.